

УДК 81

А.П. Прохорова

Академия строительства и архитектуры

Донского государственного технического университета

г. Ростов-на-Дону, Россия

annagvozdikova@yandex.ru

**СИСТЕМНЫЕ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ИРОНИЗМЫ
В СОСТАВЕ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ГОВОРЕНИЕ»**

**[*Prokhorova A.P. The systemic and contextual ironisms
as part of phrase-semantic field of "Speaking"*]**

It is considered the systemic and contextual ironisms on the base of Russian and French idioms which objectify the semantic field of "Speaking". It describes the phraseological units which form an ironic statement, even out of context. It characterizes the ironic modality and the conditions of its creation. We study text transformations of phraseological units of speaking from the aspect of contained data units about the referent and their text-forming significance.

Key words: ironism, phraseological unit, phraseological field, ironic modality, context, occasional conversion.

Фразеосемантическое поле (ФСП) «Говорение» занимает особое положение в системе любого языка, поскольку отражает психологические и интеллектуальные особенности человека. Оно настолько релевантно и многомерно, что его исчерпывающее описание не может быть представлено в одной работе. Возможность создания фразеологическими единицами (ФЕ), принадлежащими к данному семантическому полю, иронического эффекта имеет значительный интерес для исследования с точки зрения ее реализации в дискурсе. Важность серьезного изучения такой проблемы прагмалингвистики для развития теории языка определяет актуальность работы. Ее исследование на материале ФСП разноструктурных языков, таких как русский и французский, существенно повышает степень объективности и достоверности его результатов.

Под фразеосемантическим полем мы понимаем, как и С.М. Кравцов, «совокупность ФЕ, обслуживающих в языке определенную понятийную сферу, объединенных общим (интегральным) семантическим признаком, но обладающих дополнительными (дифференциальными) семантическими признаками и имеющих определенное категориальное значение» [6, с. 131].

Ирония имеет длительную традицию изучения и описания: уже в античных риториках ее сущность стремились раскрыть Аристотель, ученик Аристотеля Феофаст, Цицерон, Квинтилиан. Согласно античной традиции, ирония обозначает нечто противоположное тому, что буквально сказано. Квинтилиан писал о том, что иронией обозначаем противное тому, что говорим; сие называется также и насмешкою, которую разуместь можно или по произношению голоса, или по лицу, или по свойству вещи, о коей говорится. Ибо, когда слова им не приличествуют, то и значит, что намерение говорящего есть показать сему противное» (Квинтилиан «Двенадцать книг риторических наставлений») [9, с. 380].

Несомненна связь иронии с такими категориями, как гротеск, пародия, остроумие, юмор, насмешка. Главное отличие иронии от перечисленных феноменов заключается в ее завуалированном характере: критичность и колкость в ней затемнены, но в то же время они окрашены отрицательной оценкой объекта иронии, его действий или качеств, иногда даже пренебрежительным или презрительным отношением. Иронизирующий как будто дистанцируется от объекта иронии и косвенным образом демонстрирует свое превосходство; в то же время именно ирония (а не шутка) может быть направлена на самого говорящего как на объект, причем «самоиронию» многие считают высшим проявлением иронии. Иронический смысл представляет собой ситуативную импликацию – вывод, к которому реципиент приходит в ходе прагматической интерпретации прагматического высказывания в коммуникации [10, с. 111].

Лингвистика изучает языковые (в том числе и имплицитные) средства выражения иронии, но опирается при ее интерпретации на данные многих гуманитарных наук – эстетики, психологии, философии, логики, где «ирония – явление не языковой, а философской, мировоззренческой природы» [5, с. 4]. В такой интерпретации ирония не обязательно имеет отношение к области комического, она даже может быть включена «в поле трагического» как «позиция личности». Уже в Древней Греции «сократовская ирония», как понимал ее Платон, переосмысляла обыденную иронию-насмешку в ином направлении: ирония предстает здесь как глубоко жизненная позиция, отражающая сложность человеческой мысли, как позиция диалектическая, направленная на опровержение мнимого и ложного зна-

ния в установлении самой истины. Отсюда следует, что ирония является одним из инструментов когниции человеком окружающей действительности в процессе концептуализации и категоризации мира [3].

О роли иронии размышлял М.М. Бахтин: «Ирония вошла во все языки нового времени (особенно французский). Вошла во все слова и формы (особенно синтаксические, ирония, например, разрушила громоздкую «выспреннюю» периодичность речи). Ирония есть повсюду – от минимальной, неощутимой, до громкой, граничащей со смехом. Человек нового времени не вещает, а говорит, то есть говорит оговорочно. <...> Язык Пушкина – это именно такой, пронизанный иронией (в разной степени), оговорочный язык нашего времени» [2, с. 336].

Еще более возросла роль иронии в XX веке. «Иронию можно рассматривать в качестве одной из фундаментальных особенностей художественного языка XX века, так как иронический принцип, понятый как принцип дистанцирования от непосредственно высказанного, принцип неуверенности в возможности прямого высказывания является конститутивной чертой мышления XX века» [4, с. 355]. Сегодня отмечается экспансия иронии в те сферы, где прежде господствовал пафос – в сферу политического дискурса, официально-деловой коммуникации, что определяется причинами социально-политического характера.

С одной стороны, ирония – чисто текстовое явление (всем известно, что даже общеязыковой мелиоратив может быть произнесен с особой – иронической – интонацией, за счет чего и превращается в свою противоположность). Именно потому, что ирония – текстовое явление, она и не всегда угадывается. Для дешифровки иронического сообщения нужны определенные фоновые знания. А с другой стороны, в лексикографии традиционно существует помета при словах и фразеологизмах, указывающая на иронический характер их употребления, то есть признается существование лексических единиц, которые всегда формируют ироническое высказывание.

Для лексикографии традиционны пометы, указывающие на выразительные оттенки слов и ФЕ: бран., ирон., неодобр., шутл., презр., пренебр., укор., торж., ритор., эвф., при этом помета «ирон.» не относится к числу самых распространенных. Как известно, у кодификации не менее четырех главных функций: 1) оглашение существующего состояния языка; 2) селекция вариан-

тов; 3) содействие реализации потенциала согласно общественному заказу; 4) предотвращение ошибок и функционально неблагоприятных изменений в языковой системе. Соответственно, говорится и о разных видах кодификации: 1) описательная кодификация (оглашающая состояние языка); 2) пре-скриптивная кодификация (осуществляющая селекцию вариантов и предотвращающая ошибки); 3) наставительно-рекомендательная кодификация (выполняющая все названные функции) [7]. Существует мнение, что такие прагматические характеристики, которые содержатся в пометах «ирон.», «шутл.», «комич.», неоправданны, поскольку юмор «ситуативен и одномоментен». Тем не менее в лексикографии всегда фиксировались так называемые «фондовые экспрессемы» – единицы, которые и вне контекста ощущались как насыщенные соответствующим прагматическим содержанием.

Ср. французские ФЕ, снабженные пометой «ирон.»:

Beau parleur “краснобай”, *le dernier salon où l’on cause* “последний салон, где можно поболтать (вместо работы)”, *faire le stratège* “рассуждать о военных делах, строить из себя стратега”, *langue dorée* “златоуст; краснобай”, *faire de la prose sans le savoir* “говорить прозой, того не подозревая”, *faire des salamalescs* “рассыпаться в любезностях”, *dire des douceurs* “мило поговорить, наговорить грубостей, поругаться”, *envoyer des calembours à qn* “обругать кого-л.”, *continue, tu m’intéresses* “продолжай в том же духе; говори, говори (выражает пренебрежение к тому, что говорится)”, *pousser les beaux sentiments* “говорить изысканные любезности, высказывать страстные чувства”, *s’échauffer dans son harnais* “говорить с жаром, запальчиво, кипятиться”.

В русской лексикографии помету «ирон.» имеют следующие ФЕ: *на два голоса, придерживать (придержать) язык, разливаться соловьем (соловухой), язык заплетается, язык развязывается, развязался, оббивать (оббить) язык, разводить бобы* (в значении «вести пустые, бессодержательные разговоры; отвлекать болтовней от чего-либо»), *кидать камень в огород, гороху наевшись, с язычком, слаб на язык, длинный язык, долгий язык, тянуть kota за хвост, бросать камешки из-за угла, выкладывать (выложить) на тарелочке, заклеить рот, сменить пластинку, отливать (отлить) пулю (пули), подносить (поднести) пилюлю, язык без костей* и др.

Заметим, что квалификация ФЕ в качестве иронизма не всегда оправдана, ср.: *не мочь связать двух слов* – разг., ирон. Быть неспособным связно

сказать что-либо, изложить свои мысли. В этой ФЕ, на наш взгляд, отсутствует один из главных признаков иронии – ее скрытый, неочевидный характер. Здесь, скорее, гипербола, связанная с утрированием ситуации.

Большинство указанных ФЕ действительно служит для создания в тексте иронической модальности, ср.:

Маша смеется. Ободренный Служкин заливается соловьем:

– Тем же вечером сижусь я дома, вдруг звонок в дверь. Я только дверь открыл, а мне Ветка сразу по морде тресь!... Но я стреляный воробей, я сразу присел. И она со всего размаха рукой по косяку как засадила, аж весь дом вздрогнул! (А.Иванов «Географ глобус пропил»).

Весь рассказ Служкина – это фантазии (основанные, правда, на реальных событиях), цель которых произвести впечатление на Машу, и рассказчик, естественно, оценивается с иронией.

Ср. ироническую модальность ФЕ говорения в пародии А. Иванова:

Пусть критик

На плетень наводит тень,

Пусть шевелит зловредными губами.

Мы, женщины-березы,

Каждый день

Общаемся с мужчинами-дубами

(А. Иванов «Береза. Ирина Снегова»).

Широкая семантическая база ФЕ, способствующая полиреферентности, позволяет описывать различные явления и ситуации, а раздельноформленность ФЕ способствует различным видам окказиональных преобразований. Именно преобразованные ФЕ нередко становятся средством передачи иронического отношения. Приемы преобразований ФЕ типизированы, воспроизводимы и хорошо описаны. Это вклинивание, добавление, контаминация, замена компонентов, аллюзия, двойная актуализация [1]. Ср. примеры из книги В.З. Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры»:

Злые афинские языки уверяли, что он просто прогуливал все ночи напролет и сваливал все на лавры (Тэффи «Древняя история»);

Когда вокруг несут дичь – звереешь (А. Сегедюк);

Слов ему явно не хватало: он поминутно просил слова у председателя (Эмиль Кроткий);

Говорят, что язык до Киева доведет. Это правда, до Киева доведет. Мне даже известно, когда язык до сибирских тундр доводил... (О. Д'Ор) [8, с. 298]. Ср. у В.И. Даля: *Язык до Киева доведет (и до кия, то есть до палки, до побоев)*. Вариант с измененной прагматикой (с мелиоратива на пейоратив) традиционно существовал в системе и узусе.

Преобразуя ФЕ, автор в наиболее оптимальном виде эксплицирует важную для него мысль. При многочисленных окказиональных изменениях ФЕ наблюдаются две взаимодействующие тенденции – к сужению и расширению компонентного состава ФЕ. Общий же принцип окказионального преобразования состоит в том, что стилистический прием акцентирует значение ФЕ и вносит в него смысловые изменения [1]. Преобразование ФЕ способствует расширению информации о референте и в конечном счете способствует повышению текстообразующей значимости ФЕ.

Итак, анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что среди ФЕ говорения можно выделить системные иронизмы, то есть фразеологизмы, помеченные в лексикографических источниках пометой «ирон.». Эти единицы содержат иронический смысл (то есть неявную, завуалированную насмешку) даже вне контекста. Однако ироническая модальность может создаваться только на уровне текста и отсутствовать в изолированном фразеологизме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басенко И.М.* Контекстуальные преобразования фразеологических единиц: лингвопрагматические характеристики (на материале англоязычной художественной прозы). Автореф. дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2011.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества: Сборник избранных трудов. М., 1979.
3. *Волошин Ю.К.* Ирония в сленге // *Личность в пространстве языка и культуры*. Юбилейный сборник. Москва-Краснодар, 2005.
4. *Золотарева С.А.* Ирония как деструкция знака // *Русский язык и активные процессы в современной речи*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Ставрополь, 2003.

5. *Иванова И.Н.* Ирония в художественном мире Георгия Иванова // Автореф. дис. канд. филол. наук. Ставрополь, 1999.
6. *Кравцов С.М.* Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «поведение человека») // Дис. докт. филол. наук. Ростов н/Д, 2008.
7. *Саари Х.* Норма, потенциал и эластичная кодификация // Общелитературный язык и функциональные стили. Вильнюс, 1986.
8. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
9. Эффективная коммуникация: история, теория, практика. Словарь-справочник: Отв. ред. М.И. Панов. М., 2005.
10. *Яковенко Т.И.* Имплицитный смысл онима в тексте (на материале русского и английского языков) // Дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013.

REFERENCES

1. *Basenko I.M.* Contextual transformations of phraseological units: linguistic and pragmatic characteristics (based on the English-speaking fiction prose). Thesis of Philology. Krasnodar, 2011.
2. *Bakhtin M.M.* Aesthetics of verbal creativity: Collection of selected works. М., 1979.
3. *Voloshin J.K.* Ironically slang // Person in the space of language and culture. Anniversary collection lane. Moscow-Krasnodar, 2005.
4. *Zolotarev S.A.* Irony as a sign of destruction // Russian language and active processes in modern speech. Materials of All-Russian scientific-practical conference. М., 2003.
5. *Ivanova I.N.* The irony in the art world of Georgi Ivanov // Thesis of Philology. Stavropol, 1999.
6. *Kravtsov S.M.* A world in Russian and French phraseology (on the example of concept "human behavior") // Thesis of Philology. Sciences. Rostov-on-Don, 2008.
7. *Saari J.* Norm, potential and elastic codification // Common literal language and functional styles. Vilnius 1986.

8. *Sannikov V.Z.* Russian language in the mirror of the language game. M., 1999.
9. Effective Communication: History, Theory, Practice. Glossary Directory: Ed. M.I. Panov. Moscow, 2005.
10. *Yakovenko T.I.* Implicit meaning of onym in the text (on a material of Russian and English-language ray) // Candidate of Philology. Rostov-on-Don, 2013.

18 мая 2016 г.
